

Н. А. ФЕДОРОВА

**Проблема
самопрезентации:
подход
нарративной
психологии***

Понятие нарратива пришло в социальную психологию из постмодернистских и постструктуралистских философских и литературоведческих концепций и рассматривается в рамках теории социального конструкционизма и нарративной психологии.

Социальный конструкционизм появился на волне кризиса социальной психологии

в середине 60-х годов XX века как заявка на построение новой парадигмы и представлял собой не столько научную психоло-

гическую школу, сколько широкое интеллектуальное движение, объединяющее представителей разных гуманитарных дисциплин.

Предпосылкой конструкционистской теории является так называемый «постмодер-

* Статья рекомендована к публикации решением кафедры социальной психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, и. о. заведующего кафедрой — профессор Т. Г. Стефаненко (протокол №6 заседания кафедры от 24.10.2006 г.), а также доктором психологических наук, профессором РГГУ Е. Е. Кравцовой.

нистский поворот в культуре», в основу которого легли постулаты философии постструктурализма. Так, один из основателей социального конструкционизма и автор этого термина Кеннет Герген неоднократно обращается к работам идеологов постмодернизма и постструктурализма Ж. Деррида, Ж. Лиотара, М. Фуко и другим. Кроме того, общим источником конструкционистских теорий является философия позднего Витгенштейна и его концепция значения слова как его употребления, связанного с конкретным видом социальной практики. В ряду своих предшественников конструкционисты отмечают также Дж. Г. Мида и символический интеракционизм, феноменологическую социологию А. Шюца, а также культурно-историческую концепцию Л. С. Выготского, который выдвинул идею первичности интерпсихических процессов по отношению к интрапсихическим процессам.

Можно с уверенностью утверждать, что в современной социальной психологии нет единой теории социального конструкционизма. Социальный конструкционизм — это, скорее, метатеория, некоторый перечень методологических принципов и идей, на основании которых исследователи строят свои теоретические и эмпирические исследования. Основные содержательные идеи социального конструкционизма можно сформулировать следующим образом.

Реальность — это продукт социального конструирования. Весь социальный порядок, верования, обычаи, привычки, все, что для нас является реальным, составляет продукт социального конструирования. П. Бергер и Т. Лукман выделяют хабиутализацию, институционализацию и легитимацию как три стадии процесса конструирования. Любое часто повторяющееся социальное действие со временем становится образцом, что ведет к минимизации затрачиваемых на это действие усилий. Так происходит хабиутализация — «опривычивание» действий. «Опривыченные» действия постепенно типизируются. В дальнейшем вокруг типизированных действий возникают институты и установ-

ления. Легитимация придает законность и смысл институтам в рамках определенного общества¹. Социальный конструкционизм фокусирует внимание на том, как люди взаимодействуют друг с другом, чтобы конструировать и поддерживать ту реальность, которую они считают истинной.

Конструирование реальности происходит через язык. Социальные миры конструируются с помощью символических систем, центральной из которых является язык. Согласно К. Гергену, социальный конструкционизм начинается там, где бросается вызов концепциям знания как ментального образа. С его точки зрения, знание представлено в лингвистических построениях, а значит знание — это не когнитивные образования каждого человека, а то, что люди создают совместно. Языки — это, по сути, взаимодействия. Не случайно центральное место в конструкционистских теориях занимает понятие дискурса. В наиболее широком понимании дискурс — это социальный текст, продукт взаимодействия индивидов, групп, обществ².

Сознание субъекта не существует вне языка. Согласно теоретикам постмодернизма, субъект не существует вне и до дискурса, а конституируется внутри господствующих в культуре дискурсов. Сознание имеет языковую природу и понимается как принципиально нестабильное, динамически подвижное образование, способное существенно видоизменяться в зависимости от того языкового контекста, в котором оно оказывается и который в большей или меньшей степени, но обязательно при этом принимает участие в его конструировании. Иными словами, каждый текст (текстом может быть и новая жизненная ситуация, прочитывая которую, индивид меняет форму ролевого поведения, чтобы вписаться в другие социальные нормы) предлагает воспринимающему сознанию определенную позицию, тем или иным образом конституирующую его связность и целостность. Сама субъективность полностью зависит от практики взаимодействия субъектов и определяется дискурсом.

Идентичность конструируется и поддерживается через истории (нарративы). Поскольку реальности создаются в языке, то они передаются дальше в историях, которые мы рассказываем друг другу. Здесь возникает понятие нарратива — повествования, с помощью которого субъект конструирует свое Я и поддерживает свою целостность.

Понятие нарратива имеет ключевое значение для становления философии постмодернизма в целом и социального конструкционизма в частности. Дело в том, что все теории постмодернизма (постструктурализма, конструктивизма) основываются на постулате, что сознание каждого отдельного индивида выстраивается в рамках определенного дискурса, т. е. индивид с детства присваивает себе через освоение родного языка те значения и смыслы, которые присущи его культуре. Таким образом, каждое индивидуальное сознание имеет структуру значений, соответствующую структуре значений конкретной культуры. Будучи рассмотренным как продукт воздействия господствующих в культуре дискурсов, субъект теряет свою свободу воли. Действительно, если с момента рождения субъект попадает в социальный мир, состоящий из различных конкурирующих дискурсов, то он лишается возможности совершать личный выбор, его сознание оказывается сверхдетерминированным, сверхобусловленным теми социальными условиями, в которых он развивается. Все эти рассуждения о возможности существования свободы лишь в узком пространстве по краям господствующих дискурсов «в тесных просветах между ними», какой бы ни была трактовка подобной свободы, дают основания противникам и критикам постструктурализма утверждать о дегуманистических предпосылках этого течения³.

Ввиду ощущаемого теоретиками постмодернизма кризиса понятия личности, среди исследователей появились попытки ввести в постмодернистскую концепцию теоретические конструкты, способные решить вопрос о том, каким образом субъект проявляет свою индивидуальность и сам конструирует

собственную судьбу. Одним из таких понятий стало понятие нарратива.

Можно выделить несколько основных теорий нарратива, постулаты которых послужили развитию нарративной психологии как одного из вариантов социального конструкционизма.

1. *Нарратив как эпистемологическая форма.* Американский литературовед Ф. Джеймсон предположил, что нарратив есть не что иное как особая эпистемологическая форма, организующая способы нашего восприятия действительности: все воспринимаемое субъектом может быть осмыслено только с помощью повествования, т. е. создание нарративов — это присущий человеку способ структурировать окружающий мир, следовательно, этот мир становится доступен субъекту только в виде историй и рассказов о нем⁴.

2. *Нарративные модусы по Брунеру.* Дж. Брунер выделил два модуса самоосмысления и самопонимания субъекта: нарративный модус и научный (парадигматический) модус. Научный модус основан на абстрагировании конкретного личного опыта индивида от жизненной ситуации, т. е. на обобщении. Нарративный модус, напротив, приспособлен для осмысления личного неповторяющегося опыта каждого конкретного индивида. Особенность нарративного модуса самоосмысления состоит в том, что воплощение индивидуального опыта субъекта в форме истории, рассказа позволяет ему осмыслить свой опыт через более широкий контекст, поскольку форма нарратива, выработанная в культуре, уже сама по себе предполагает исторически опосредованный опыт межличностных отношений⁵.

3. *Рассказовые структуры личности у К. Мюррея.* К. Мюррей предложил «жанровую» типологию нарративов личности. Основываясь на классификации литературоведа Н. Фрая, Мюррей делит нарративы на «комедию», «трагедию», «романс» и «иронию». Каждый из этих нарративов имеет свои особенности и сюжетную структуру. Функция нарратива, по Мюррею, состоит не

в том, чтобы воспроизводить действительное положение дел, а в том, чтобы структурировать индивидуальный опыт с помощью социально устоявшихся схем объяснения⁶.

Вышеперечисленные теории стали предпосылками для формирования отдельного направления в рамках социального конструкционизма, сфокусированного на исследовании закономерностей, лежащих в основе построения субъектом своих жизненных историй (нарративов).

Первый сборник статей, посвященный нарративной психологии, назывался «Нарративная психология: Рассказовая природа человеческого поведения» (1986). Как отмечает во вводной статье редактор сборника Т. Сарбин, индивиду свойственно придавать смысл несвязанным между собой явлениям с помощью «наложения» на них нарративной структуры. Так, например, если субъекту показывают три картины, он стремится связать их между собой путем создания объединяющего их сюжета. По мнению Сарбина, нарратив — это способ организации личного опыта, результатом которой является соединение реальных фактов и вымысла. Нарратив позволяет субъекту обосновать свои поступки и выстроить каузальные зависимости между жизненными событиями. «Нарративизация» личного опыта способствует укреплению «Я-концепции» и выполняет защитную функцию. Нарративы всегда формируются в процессе социального взаимодействия и изменяются вслед за изменениями соответствующих интеракций⁷.

Схожее определение нарратива дает Дж. Принс. По мнению этого автора нарратив — это представление во временной последовательности нескольких реальных или вымышленных событий. Нарратив может быть рассмотрен как один из главных способов организации переживания времени субъектом, поскольку повествование всегда контролируется понятием времени, и все события в рассказе выстраиваются в строгой временной последовательности с указанием тех последствий, которые одни действия имели для других. Благодаря такому упоря-

дочиванию отдельных событий в нарратив происходит их постижение за счет обозначения целого, которому они принадлежат⁸.

Формальная структура всех нарративов одинакова. Это некоторая целостность, складывающаяся из начала, середины и конца, которые, как правило, соединены между собой посредством каузальной связи. Благодаря такому способу связи нарратив становится не простой совокупностью элементов (событий, ситуаций), а принципом их конфигурации.

Можно выделить ТРИ основные характеристики нарратива:

- 1) отражение в нарративе значимых жизненных событий;
- 2) временная направленность;
- 3) конструирование нарратива в ситуации взаимодействия.

В наиболее общем виде нарратив может быть определен как организованное во временной последовательности повествование субъекта об актуальных жизненных событиях, осуществляемое в процессе межличностного взаимодействия.

Основные принципы нарративного подхода могут быть выражены следующим образом:

1. Любая культура состоит из определенного набора дискурсов, в которых закреплены смыслы и значения, характерные для данной культуры. Также культура содержит некоторые закрепленные повествовательные структуры (нарративы), к которым в процессе социализации приобщается развивающийся субъект;

2. Основной особенностью осмысления субъектом окружающего мира и самого себя является его склонность к упорядочиванию всех жизненных фактов в форме историй, нарративов. Нарратив позволяет субъекту получить непротиворечивую картину мира и своего Я, поскольку нарративная структура, «наложенная» на множество ситуаций и фактов, формирует последовательность событий, связанных между собой каузальными зависимостями и выстроенных в определенной временной последовательности.

3. Нарратив формируется в процессе взаимодействия. Как отмечает Р. Харре, «Я» конституируется именно посредством социальных отношений, является функцией от этих отношений, и взаимодействие играет здесь центральную роль. Интеракция должна стоять в центре анализа, поскольку именно она сообщает языку способность обозначения, с одной стороны, а с другой стороны, является основной сферой его употребления⁹.

Все культуры содержат определенный и достаточно устойчивый набор текстов, подлежащий обязательному транслированию от поколения к поколению. Способность конкретного человека быть носителем культуры и, взрослая, становиться агентом социализации для следующих поколений, неотделима от знания им значений ключевых для данной культуры вербальных повествований с их жанрами, сюжетами, персонажами.

Конструирование нарративов является, с одной стороны, механизмом идентификации и самоосмысления, а, с другой стороны, предоставляет субъекту ресурсы для самопрезентации и выступает в качестве фундаментального компонента социального взаимодействия, соединяющего субъекта с культурой, с другими людьми.

Формы нарративов, закрепленные в культуре, являются прототипами, на основании которых субъект осознанно или неосознанно выстраивает свои собственные жизненные истории. В этих «культурных» нарративах уже заложены основные оценки, данные им культурой. Так, например, что использование трагического нарратива вызывает у аудитории сочувствие, в то время как нарратив «комедии» не воспринимается серьезно. Субъект примеряет на себя существующие или создает новые истории, призванные систематизировать его жизненный опыт, с учетом оценки тех нарративных схем и дискурсов, которые существуют в культуре.

Таким образом, процесс выстраивания нарратива объединяет реальность «истинного Я» субъекта и реальность его «публич-

ного Я». Желаемый образ Я, который субъект стремится создать у партнеров по взаимодействию, пересекается с тем реальным образом Я, который конструируется в процессе создания нарратива. Иными словами, устоявшиеся нарративы личности содержат в себе два модуса существования Я: публичный модус, в большей степени подверженный изменениям, который контролируют и за которым наблюдают, и личный модус — те персональные характеристики, с которыми, декларирует он это публично или нет, субъект непременно отождествляет себя.

Ситуация публичности, рассматриваемая в классической социальной психологии как фактор актуализации публичного Я субъекта и процесса самопрезентации, с точки зрения нарративного подхода имеет иное психологическое содержание. Нарративная, а шире, постмодернистская традиция и концепция социального конструкционизма рассматривают субъекта как продукт взаимодействия дискурсов, а значит, социального взаимодействия. Особенность обстановки публичности состоит в том, что индивид *разделяет ее с другими*. Сама обстановка публичности оказывается не просто «водоразделом» между личным и публичным Я (что традиционно для постановки большинства экспериментальных ситуаций в классических исследованиях самопрезентации), а определенной средой, в которой формируется и конструируется Я субъекта, средой, в которой исчезает занавес, установленный между сценой и кулисами еще И. Гофманом¹⁰, разорванность между личным и публичным Я. Сконструированная в процессе взаимодействия идентичность несет в себе как отражение культурных и социальных норм, так и отражение субъективного взгляда индивида на свою собственную историю.

Таким образом, конструкционистская теория предоставляет новые ресурсы для интерпретации феномена самопрезентации. Самопрезентация как нарратив затрагивает не только процесс управления впечатлением для реализации конкретных целей в меж-

личностном взаимодействии¹¹, но и процессы конструирования идентичности субъекта и сглаживания противоречий, «примирения» между его публичным и личным Я.

Мы не склонны отождествлять понятие самопрезентации и понятие нарратива, поскольку традиции их анализа происходят из разных внутринаучных дискурсов, однако, с нашей точки зрения, предыдущие рассуждения позволяют нам сделать вывод о том, что эти понятия являются частично пересекающимися. Очевидно, что теоретики социального конструкционизма, хотя и стремятся свести личность к набору текстов, тем не менее, не могут отрицать факта существования психических феноменов, явно несводимых к понятию «дискурс». Нарративная психология, ставшая очень популярной областью исследований и наиболее последовательной психологической теорией в рамках конструкционистского направления, четко определила свой предмет как исследование закономерностей, связанных с повествовательными структурами личности. И все же, несмотря на стремление присвоить «рассказовую природу» не только сознанию конкретного индивида, но и социальному миру в целом, нарративная психология сохранила известную «психологичность» и, в отличие от социального конструкционизма К. Гергена, рассматривает наряду с конструированием идентичности через нарративы и другие психологические процессы, происходящие в личности. Именно этот факт позволяет нам использовать ресурсы такого междисциплинарного конструкта как «нарратив» для расширения понимания и трактовки феномена самопрезентации.

Практически в любой ситуации повествования субъекта о себе определенной аудитории, будь то ситуация конструирования нового нарратива или вербализации уже существующего, присутствует элемент управления впечатлением. В то же самое время, процесс самопрезентации может включать в себя, наряду с использованием самоописаний, демонстрацией своих аттитюдов и других техник, рассказывание историй о себе,

содержащих выстроенный во временной последовательности набор ситуаций и событий жизни, т. е. нарративов.

Таким образом, не только феномен самопрезентации приобретает новые интерпретации в рамках нарративной психологии, но и рассмотрение нарратива личности в контексте общения субъекта с другими людьми, в частности, в контексте процесса самопрезентации, открывает новые перспективы для эмпирических исследований использования нарративов в различных ситуациях межличностного взаимодействия.

Так, нарратив может быть рассмотрен в определенных ситуациях как одна из техник самопрезентации. Действительно, субъект регулярно рассказывает другим о событиях, происходящих в его жизни, и часто одной из целей таких рассказов является именно создание у окружающих определенного впечатления о себе. В таком случае нарративная техника самопрезентации, наряду с другими техниками самопрезентации, может иметь, в связи с описанными выше особенностями, свою ситуационную специфику использования.

С другой стороны, дальнейшие эмпирические исследования могут быть направлены на решение следующего вопроса. Специфика процесса формирования нарратива такова, что наряду с реализацией «классических» мотивов (мотив власти, мотив поддержания позитивного образа Я), он может способствовать реализации таких мотивов как мотив самоконструирования, самопонимания или мотив поиска смысла. Если же нарративная самопрезентация имеет мотивационную специфику, то она оказывается не просто техникой самопрезентации, а отдельной стратегией самопрезентации, т. е. более крупной единицей анализа этого психологического процесса. В таком случае субъект не просто использует некоторые фрагменты своих жизненных историй для реализации определенных стратегий самопрезентации, а использует нарратив как отдельную стратегию для реализации определенных целей в специфических жизненных ситуациях.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 80–190.

² Gergen K. J. An Invitation to Social Construction. London, 1999. P. 90–115.

³ Ильин И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа. М., 1998. С. 92.

⁴ Jameson F. The political unconscious: Narrative as a socially symbolic act. Ithaca, 1981. P. 16–290.

⁵ Bruner J. Actual minds, possible worlds. Cambridge, 1986. P. 10–250.

⁶ Texts of identity / Ed. by J. Shotter, K. J. Gergen. London, 1989. P. 176–206.

⁷ Sarbin T. R. The Narrative as a root metaphor for psychology // Narrative psychology: The storied nature of human conduct / Ed. by T. R. Sarbin N. Y., 1986. P. 3–21.

⁸ Prince G. Narratology: The Form and Functioning of Narrative. Berlin, 1982.

⁹ Davies B., Harre R. Positioning: The Discursive Production of Selves // Journal for the Theory of Social Behavior. 1991. Vol. 20. P. 43–63.

¹⁰ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. С. 29–302.

¹¹ Jones E. E., Pittman T. S. Toward a general theory of strategic self-presentation // Suls J. (Ed.) Psychological perspectives on the self. N. Y., 1982. Vol. 1. P. 231–262.